Кл 4/300

Кл 4/300

А. С. ВЯЗИГИНЪ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

(По поводу книги барона Таубе).

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Фонтанка, 95.
1900.

Кл 4/300

А. С. ВЯЗИГИНЪ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

(По поводу книги барона Таубе).

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Фонтанка, 95.
1900.

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1900 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
20109-58

Таубе, баронъ. Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. X. 1899.

Цѣлью своего труда баронъ Таубе поставилъ—„прослѣдить возникновеніе идеи международнаго общенія въ средніе вѣка и показать зачатки отдѣльныхъ институтовъ международнаго права въ разсматриваемую эпоху". Для разрѣшенія намѣченной задачи, въ противоположность извѣстному бельгійскому ученому Нису, дающему „литературную исторію международнаго права въ средніе вѣка", нашъ авторъ обѣщаетъ обратиться „къ анализу самыхъ фактовъ средневѣковой исторіи, къ изученію богатаго сырого матеріала, оставленнаго намъ средними вѣками, къ международнымъ трактатамъ того времени, къ различнымъ юридическимъ сборникамъ, имѣвшимъ общенародный характеръ, наконецъ, къ различнымъ лѣтописямъ среднихъ вѣковъ." „Непосредственная работа надъ сырымъ матеріаломъ средневѣковыхъ памятниковъ" потребовала преодолѣнія „многихъ трудностей чисто техническаго свойства" и „затрудненій болѣе внутренняго свойства, очень досадныхъ для историка-юриста", то-есть, „весьма нерѣдко встрѣчавшихся противорѣчій между документальнымъ матеріаломъ и указаніями и выводами различныхъ, подчасъ очень извѣстныхъ, писателей по международному праву". По увѣренію автора, избранный имъ новый путь, несмотря на отмѣченныя трудности, привелъ къ наилучшимъ результатамъ: „не говоря уже объ устраненіи сравнительно болѣе мелкихъ, такъ сказать, детальныхъ промаховъ" своихъ предшественниковъ, баронъ Таубе утверждаетъ, что въ его изслѣдованіи на основаніи источниковъ отдѣльные вопросы „получили совершенно не то освѣщеніе и рѣшеніе, какія имъ обыкновенно давались до сихъ поръ"; да и „цѣлыя отрасли нашего права, едва существовавшія, казалось, въ средніе вѣка и едва затронутыя въ этомъ смыслѣ современною наукою, разростались, при ближайшемъ анализѣ,

въ чрезвычайно сложную и, можетъ быть, не безъинтересную для юриста картину".

Итакъ, непосредственное изученіе необозримаго сырого матеріала и самостоятельное отношеніе къ предшественникамъ—вотъ наиболѣе выпуклыя заслуги барона Таубе, по его собственному мнѣнію.

Нѣтъ никакой необходимости, при критическомъ разборѣ, идти шагъ за шагомъ вслѣдъ за выводами разбираемаго сочиненія, свѣряя ихъ съ данными памятниковъ и положеніями, добытыми научной разработкой: два—три примѣра вполнѣ достаточны для опредѣленія степени самостоятельности взглядовъ барона Таубе и непосредственности изученія имъ средневѣковыхъ источниковъ.

Уже его „Введеніе" — „Средневѣковое христіанство и идея мира въ международной жизни" явственно обнаруживаетъ полную зависимость отъ ненадежнаго, въ данномъ случаѣ, авторитета проф. Мартенса [1]).

Вслѣдъ за своимъ руководителемъ баронъ Таубе противупоставляетъ взгляды на войну христіанства и классической древности: „война по самой природѣ царитъ между всѣми государствами", говоритъ классическая древность. „Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ—миръ имѣйте между собою", говоритъ Христосъ своимъ ученикамъ. „Таковы два противоположныхъ начала, выставленныя двумя противоположными міросозерцаніями". Не смотря на широкое распространеніе этого взгляда между нашими юристами [2]), необходимо признать, что подобное противорѣчіе не оправдывается фактами, ибо „вѣчная всеобщая война" вовсе не представляется нормальнымъ состояніемъ между государствами и до проповѣди кроткихъ галилеянъ.

Нѣтъ никакой возможности вырывать такую непроходимую бездну между языческой, античной древностью и христіанствомъ. Уже Отцы церкви уловили связь между древнимъ и новымъ міромъ, указавъ на значеніе греческой философіи и римской имперіи въ дѣлѣ подготовленія умовъ къ появленію христіанскаго ученія. Современная наука отнюдь не отвергаетъ ихъ точки зрѣнія. Въ задачу изслѣдователя „зародышей международнаго права" должно было входить установленіе преемства историческихъ явленій и уясненіе постепеннаго подготовленія кажущихся ему совершенно внезапными переворотовъ. Не-

---

[1]) *Scala*, Die Studien des Polybios I p. 319. Stuttgart. 1890.

[2]) Кромѣ проф. Мартенса такъ же смотрѣлъ *Каченовскій*. Курсъ международнаго права стр. 135. *Графъ Комаровскій*—Главные моменты идеи мира въ исторіи. Русская Мысль 1895 г. № 6 стр. 4, примыкаетъ къ взглядамъ бар. Таубе.

преодолимая сила христіанства заключалась вовсе не въ новизнѣ проводимыхъ имъ идей, а въ удовлетвореніи существовавшихъ стремленій, запросовъ и чаяній. Успѣхъ евангельской проповѣди коренится не въ противоположности ея завѣтовъ воззрѣніямъ древнихъ, но въ соотвѣтствіи новаго ученія лучшимъ, наиболѣе свѣтлымъ идеямъ, ими добытымъ. Увлеченный мыслью о рѣзкихъ измѣненіяхъ, внесенныхъ христіанствомъ, баронъ Таубе закрылъ глаза передъ исторической дѣйствительностью и вмѣсто изслѣдованія повторилъ невѣрныя утвержденія своихъ предшественниковъ, позволявшихъ себѣ обобщенія безъ должныхъ основаній: трудно доказать, что древній міръ считалъ войну нормою для международныхъ отношеній, потому что взглядъ отдѣльнаго лица не представляетъ собою воззрѣній всей древности, взятой въ исторической перспективѣ.

Современная соціологія показала [1]), что воинственность нельзя даже считать общимъ признакомъ первобытныхъ общественныхъ сочетаній: наряду съ хищническимъ типомъ организацій стоитъ промышленный, мирный. Ростъ культуры, промышленности и торговли смягчаетъ даже первоначальную воинственность и заставляетъ цѣнить блага мира, стремиться къ его установленію.

Древніе эллины, дѣйствительно, въ общемъ были воинственными дикарями [2]) и не отличались въ этомъ отношеніи отъ современныхъ Ѳукидиду варваровъ, что подмѣтилъ уже этотъ великій историкъ [3]). Однако идея преимуществъ мира рано начинаетъ сказываться въ греческой литературѣ. Уже широкое распространеніе [4]) домысла о золотомъ вѣкѣ, вошедшемъ въ поговорку, и мирной жизни первыхъ людей ясно показываетъ, что сознаніе древнихъ не считало войну естественнымъ порядкомъ вселенной. Уже Гомеръ отмѣчаетъ, что Агамемнонъ предпочиталъ благо народовъ ихъ уничтоженію, а Гезіодъ воспѣваетъ мирный трудъ земледѣльца; Геродотъ влагаетъ въ уста Креза рѣшительное осужденіе войны, ибо „нѣтъ никого столь неразумнаго, чтобъ предпочесть ее миру.“ По ясно выраженному мнѣнію

---

[1]) *Спенсеръ*, Основанія соціологіи, гл. X, стр. 605 сл.

[2]) *Beloch*, Griechische Geschichte, B. I, p. 42.

[3]) Thucyd., I, c. 5—7.

[4]) *Pfleiderer*, Die Idee eines goldenen Zeitalters, Berlin 1877, ст. 9—28. Цѣнный матеріалъ по вопросу о „золотомъ вѣкѣ“ собранъ Графомъ и Веберомъ въ Leipzig. Studien, B. VIII и X. Идеализація варваровъ, еще не вышедшихъ изъ первоначальнаго мирнаго состоянія, рано замѣчается въ греческой литературѣ: см. *Rohde*, Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig 1877.

отца исторіи „внутренніе раздоры настолько хуже дружной войны, насколько война хуже мира.“ Пиндаръ считаетъ стремленіе къ миру— обязанностью гражданъ. Ѳукидидъ свидѣтельствуетъ, что „миръ по общему убѣжденію является лучшимъ благомъ, что война предпринимается ради достиженія болѣе устойчиваго мира и сама по себѣ—дѣло невыгодное и невѣрное“. Периклъ въ своей знаменитой рѣчи находитъ, что „воевать, когда есть возможность выбора между миромъ и войною, большое безуміе, что война становится необходимой только тогда, когда приходится или уступить и немедленно покориться чужеземцамъ, или цѣною опасности спасти себя отъ порабощенія.“ Комикъ Аристофанъ яркими красками рисуетъ выгоды мира и ужасы войны; Эврипидъ въ своихъ трагедіяхъ съ отвращеніемъ осуждаетъ войну и восхваляетъ благодѣянія мира, „прекраснѣйшаго изъ боговъ“. Ксенофонтъ также усматриваетъ въ мирѣ „великое благо для людей, а въ войнѣ великое зло.“

Такимъ образомъ, даже бѣглое и далеко не полное ознакомленіе съ взглядами греческихъ писателей на войну показываетъ, что баронъ Таубе не можетъ утверждать, будто пресловутое изреченіе, „война по самой природѣ царитъ между всѣми государствами“, какъ нельзя лучше выражаетъ *общій* взглядъ *всего* древняго міра на отношенія между народами.

Нѣтъ никакихъ основаній давать такое обобщеніе, опираясь на вырванную изъ общей связи фразу „Законовъ“ Платона: одинъ изъ участниковъ діалога объясняетъ происхожденіе сисситій потребностью быть готовымъ къ войнѣ, безпрерывно существующей между всѣми государствами, „ибо то, что большинство называетъ миромъ,—„пустой звукъ“ (μόνον ὄνομα), такъ какъ на дѣлѣ по природѣ всѣ государства постоянно ведутъ необъявленную войну противъ всѣхъ.“ Самъ бар. Таубе признаетъ, что Платонъ не раздѣляетъ подобнаго воззрѣнія, которое передаетъ одинокое мнѣніе о фактически существующихъ отношеніяхъ, но не оказывается мѣриломъ представленій всѣхъ эллиновъ о нормѣ: признавая войну постояннымъ явленіемъ, можно отрицать ея „нормальность“, можно сознавать ея ужасы и стремиться къ ихъ искорененію. Греческая философская мысль работала въ этомъ направленіи, поднимаясь до сознанія единства человѣческаго рода и идеи *вѣчнаго мира*, о которомъ говоритъ тотъ же Платонъ. Онъ считаетъ миръ высшей цѣлью всякой политики, тогда какъ войну признаетъ плодомъ человѣческихъ страстей, осуждаетъ завоеванія и подчиняетъ необходимую для отпора врагамъ оборони-

тельную войну опредѣленнымъ нормамъ. Великій противникъ Платона—Аристотель въ данномъ случаѣ не расходится съ нимъ въ совершенно противоположныя стороны, находя дѣломъ естественнымъ и справедливымъ войну только съ варварами. И по мнѣнію Аристотеля военное дѣло слѣдуетъ изучать не для того, чтобъ порабощать другихъ, но чтобъ самимъ избѣжать порабощенія: захваты земель ведутъ къ несчастію и не соотвѣтствуютъ цѣли государства—общему благу; „да и цѣль самой войны—миръ, какъ цѣль работы отдыхъ.“ Еще дальше идетъ Демосѳенъ, мечтая о призваніи Аѳинъ—охранять право и миръ среди эллиновъ, и считаетъ необходимымъ соблюдать миръ даже съ варварами, будучи готовыми къ войнѣ только въ случаѣ открытаго нападенія.

Такъ мало по малу тѣсныя рамки замкнутаго въ національной исключительности эллинскаго міра все расширялись. Перемѣны въ экономическомъ и соціальномъ строѣ, оживленныя торговыя сношенія съ Востокомъ привели къ упраздненію прежняго различія между эллиномъ и варваромъ. Въ государствѣ Александра Великаго, по словамъ Плутарха, „Богомъ посланнаго устроителя мира“, братаются представители Востока и Запада: выростаетъ „міровая культура эллинизма“, связанная общностью цѣлей и стремленій усвоившихъ ее народовъ; создается прочная почва для проявленія зачатковъ международнаго права, выработанныхъ въ предшествующій періодъ; война еще болѣе утрачиваетъ жестокій характеръ, и уже Плутархъ свидѣтельствуетъ, что военноплѣнный считался „гостемъ, приглашеннымъ копьемъ“. Отвращеніе мирныхъ гражданъ къ войнѣ ярко обнаруживается въ пышномъ разцвѣтѣ наемничества, такъ какъ составленіе войскъ изъ гражданъ сдѣлалось, при ростѣ культуры и накопленіи богатствъ, немыслимымъ.

Такимъ образомъ, древніе эллины, начавъ свою исторію съ родовыхъ и племенныхъ союзовъ, руководившихся, однако, по свидѣтельству Геродота, началами права (τὰ πάντων ἀνθρώπων νόμιμα) въ своихъ сношеніяхъ съ единоплеменниками и чужеземцами, поднимаются сначала до выработки (νόμιμα πάσης Ἑλλάδος, τὸν πανελλήνων νόμον, νόμους κοινοὺς Ἑλλάδος) общеэллинскихъ правовыхъ воззрѣній, затѣмъ до сознанія братства всѣхъ людей, подчиненныхъ „единому, всеобщему закону добродѣтели“.

Само собою понятно, что расширеніе кругозора, вызванное постояннымъ общеніемъ съ людьми разныхъ національностей, и настоятельная потребность въ безопасности для торговли, должны были уси-

лить сознаніе въ необходимости общихъ правовыхъ нормъ для тогдашняго культурнаго міра и вызвать къ жизни различные институты международнаго права: основываясь на ученіи Платона и Δίκαια Димитрія Фалерійскаго, Полибій, какъ показалъ Скала [1]), даетъ разработанное въ подробностяхъ международное право.

Полибій считаетъ всякую войну нарушеніемъ всеобщаго правового порядка, дѣломъ ужаснымъ и вредоноснымъ; миръ—„несомнѣнное благо“ — „прекраснѣйшее и плодотворнѣйшее состояніе“, хотя „нѣтъ ничего постыднѣе и гибельнѣе, какъ миръ, купленный цѣною позора и жалкой трусости“. „Всякая война попираетъ справедливость и законность, хотя и имѣетъ свои собственные какъ бы законы“. Цѣль же войны не уничтоженіе врага, но искупленіе неправды.

Эти своеобразные законы войны были рано выработаны греческимъ міромъ и признавались обязательными для всѣхъ даже при столкновеніяхъ съ варварами: обычное международное право древности запрещало нарушеніе перемирія, поруганіе труповъ, оскорбленіе пословъ, умерщвленіе плѣнныхъ и разореніе сдавшихся городовъ. Полибій признаетъ эти нормы обязательными при веденіи войнъ и съ особой настойчивостью подчеркиваетъ святость договоровъ, „кои должны соблюдаться сообразно обычаямъ всѣхъ людей (τὰ κοινὰ τῶν ἀνθρώπων ἔθη). Неприкосновенность договоровъ страдала отъ произвола грубой силы, и Полибій выдвигаетъ идею политическаго равновѣсія, ради сохраненія обусловленнаго договорами порядка, не допускающаго кому-либо сдѣлаться сильнѣе другихъ. Распри и столкновенія неоднократно рѣшались, по свидѣтельству древнихъ авторовъ, третейскимъ судомъ [2]), но въ эпоху Полибія онъ получаетъ особенно широкое распространеніе, причемъ очень часто богатый и могущественный Родосъ выступалъ судьею. Надписи и тотъ же Полибій сообщаютъ точныя свѣдѣнія о многочисленныхъ случаяхъ, когда война была устранена приговоромъ третейскаго суда. Болѣе того: передъ каждой войной къ враждующимъ сторонамъ прибывали послы отъ союза морскихъ городовъ, съ Родосомъ во главѣ, въ качествѣ посредниковъ, предлагавшихъ „добрыя услуги“ для прекращенія распри, причиняющей ущербъ общимъ экономическимъ интересамъ всего эллинскаго міра. Начатая въ крайнемъ случаѣ, для защиты жизненныхъ интересовъ, война„ должна быть предварительно объявлена и не переносить на невинныхъ ужасы неизбѣжныхъ репрессалій“.

---

[1]) *Scala.* Die Studien des Polybios. I. Stuttgart. 1890.

[2]) *Бибиковъ,* Очеркъ международнаго права въ Греціи, стр. 111.

Тѣмъ временемъ философія продолжала поднимать древняго человѣка надъ уровнемъ національной исключительности: идея „гражданина міра“, сознаніе единства человѣческаго рода и братства всѣхъ людей подготовляютъ почву для универсальной религіи. Міровая держава Александра Македонскаго вдохновляетъ мыслителей: Зенонъ проводитъ величавую идею — объединить всѣхъ людей въ великомъ міровомъ государствѣ; для стоиковъ все человѣчество — единое цѣлое; люди — члены великаго тѣла; природа произвела ихъ родными; всѣ они подлежатъ jus generis humani. Эпиктетъ считаетъ Бога отцомъ всѣхъ людей, а потому провозглашаетъ всеобщее братство; справедливость и любовь, залогъ вѣчнаго мира, должны водвориться на землѣ. Война немыслима для гражданъ мірового государства, обнимающаго всѣхъ людей, такъ какъ она противорѣчитъ „естественному праву“: „если бы человѣчество прислушивалось къ голосу мудрыхъ, оно поняло бы, что войны ни на что не нужны“.

Идеи греческой философіи властно воцарились и на воинственной почвѣ Рима: Цицеронъ служитъ наиболѣе краснорѣчивымъ образцомъ ихъ мощнаго вліянія. Онъ утверждаетъ, что лишь звѣрямъ свойственно рѣшать споръ насиліемъ; только въ крайнемъ случаѣ можно прибѣгнуть къ войнѣ ради достиженія мира по устраненіи правонарушенія; допустима лишь справедливая война, которая предпринимается для возстановленія права и должна быть предварительно торжественно объявлена. Одержавъ побѣду, слѣдуетъ ею пользоваться умѣренно и щадить побѣжденныхъ; расширеніе предѣловъ не содѣйствуетъ прочности государствъ, и воинская доблесть не стоитъ выше мирной. Не насиліе, а сама природа, общая всѣмъ людямъ, создаетъ общечеловѣческій союзъ“ (societas hominum). Сенека, краснорѣчиво осуждая войну, говоритъ о respublica generis humani.

Міровое государство Рима и сдѣлалось желаннымъ всеобщимъ отечествомъ: имперія дала всѣмъ народамъ „римскій миръ, прочный миръ“ (pax Romana, pax festa). „Immensa romanae pacis majestas“, безпредѣльное величіе римскаго мира должно было, по Плинію, объединить весь міръ, дать ему одинъ языкъ, одну цивилизацію, сдѣлать Италію единымъ отечествомъ всѣхъ народовъ цѣлаго міра. Судя по извѣстіямъ даже враждебныхъ имперіи писателей (Тацитъ, Луканъ), императоры водворили миръ и безопасность въ предѣлахъ обширной римской республики. Многочисленныя извѣстія и свидѣтельства надписей прославляютъ императоровъ за ихъ миротворческую дѣятельность: pacificus, fundator pacis, pacator orbis, conservator generis humani—вотъ обычныя вы-

раженія провинціаловъ объ императорахъ. По сознанію самихъ церковныхъ писателей, это упорядоченіе міровыхъ отношеній „открыло дорогу Христу“.

Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній рисовать античную древность такимъ мрачнымъ царствомъ насилія и произвола, какимъ представляетъ ее баронъ Таубе, упустившій изъ виду значеніе эллинизма и римской имперіи въ дѣлѣ объединенія тогдашняго человѣчества. Идея мира достигла преобладанія какъ разъ къ эпохѣ Спасителя, и „проповѣдь кроткихъ галилеянъ“ была существенно облегчена римскимъ міромъ, насадившимъ безопасность и связавшимъ отдаленнѣйшіе концы тогдашняго міра общимъ гражданствомъ, тогда какъ эллинская философія идеей вѣчнаго мира и братства народовъ создавала идейную почву для распространенія христіанства, а экономическій переворотъ сдѣлалъ прежнюю раздробленность и враждебность совершенно немыслимыми, такъ какъ капиталистическое хозяйство требовало обширнаго поля для сбыта своихъ продуктовъ и безопасности для торговыхъ сношеній.

Невѣрно изобразивъ отношеніе древняго міра къ войнѣ, баронъ Таубе не обратилъ никакого вниманія на представленія евреевъ о мирѣ, на ихъ значеніе въ подготовленіи христіанскаго ученія. Пророки въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ рисуютъ царство мира, которое долженъ основать Мессія, когда „народы перекуютъ мечи свои на орала и копья свои на серпы, не подниметъ народъ на народъ меча и не будутъ болѣе учиться воевать“, когда миру между людьми будетъ соотвѣтствовать прекращеніе насилія и между животными.

Такимъ образомъ, связь и преемство историческихъ событій оставлены барономъ Таубе въ сторонѣ ради возможности создать рѣзкую противоположность между идеями древности дохристіанской и ученіемъ Евангельскимъ о мирѣ. Такимъ упрощеннымъ путемъ нетрудно было прійти къ отрицанію значенія древности въ постепенномъ ростѣ международнаго общенія и выработкѣ нормъ международнаго права.

Мнѣніе барона Таубе „о древнемъ преклоненіи передъ войною, какъ *единственномъ* нормальномъ порядкомъ вещей между народами“, лишено опоры въ тѣхъ самыхъ источникахъ, на основаніи которыхъ авторъ обѣщалъ писать свое „изслѣдованіе“: вмѣсто самостоятельной работы онъ взялъ безъ провѣрки невѣрную мысль авторитетнаго ученаго и лишилъ свои построенія необходимой осмотрительности.

Нѣтъ изслѣдованія и въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ „основному перевороту“ въ воззрѣніи на миръ и войну, произведенному христіанствомъ. Бар. Таубе пытается доказать, что вѣрность первоначальному духу христіанства уничтожила сама церковь, тогда какъ „начала безусловнаго мира господствуютъ вполнѣ въ первенствующей (?) церкви, въ христіанской общинѣ первыхъ вѣковъ нашей эры. *Всѣ* выдающіеся отцы и учители церкви этой эпохи, св. Климентъ Александрійскій и его ученикъ Оригенъ, Тертуліанъ и Лактанцій, св. Амвросій Медіоланскій и св. Іоаннъ Златоустъ провозглашаютъ *всякую* войну нечестивою и участіе въ ней несовмѣстимымъ съ обязанностями послѣдователя Христа“. Въ подтвержденіе своихъ словъ баронъ Таубе приводитъ только общеизвѣстныя слова Оригена: „мы не поднимаемъ оружія ни противъ какого народа, мы не учимся искусству воевать, потому что черезъ Іисуса Христа мы сдѣлались дѣтьми мира“, и повторяетъ ссылку Ниса „на обличенія Лактанціемъ завоевательнаго духа язычества“. Ясно, что этихъ указаній недостаточно для подтвержденія сдѣланнаго обобщенія, требующаго точнаго воспроизведенія воззрѣній перечисленныхъ отцовъ. И въ данномъ случаѣ баронъ Таубе черпаетъ матеріалъ изъ вторыхъ рукъ.

Обращеніе къ его руководителямъ, Нису [1]) и Готье [2]), открываетъ новую чрезвычайно любопытную сторону изслѣдованія барона Таубе. Оказывается, что онъ не считается съ окончательными выводами этихъ ученыхъ, не разсматриваетъ ихъ доводы, но изъ приведенныхъ ими данныхъ выбираетъ только свидѣтельства, подкрѣпляющія его предвзятую мысль, причемъ въ число противниковъ *всякой* войны, по очевидному недосмотру, попали Амвросій Медіоланскій и Іоаннъ Златоустъ. Дѣло въ томъ, что даже въ приводимомъ Готье мѣстѣ Амвросій совѣтуетъ отличать справедливую войну отъ несправедливой, а Іоаннъ Златоустъ прямо говоритъ о воспитательномъ значеніи войны: „ибо Іисусъ Христосъ допустилъ нападенія варваровъ на свое царство, дабы разбудить слабыхъ, способныхъ уснуть въ своемъ нерадѣніи“.

Въ противоположность бар. Таубе, Готье на основаніи внимательнаго изученія свидѣтельствъ церковныхъ писателей считаетъ, однако, „невозможнымъ сомнѣваться въ томъ, что церковь своимъ авторитетомъ позволила своимъ сынамъ служить въ войскахъ имперіи, что „militia“

---

[1]) *Nys.* Les origines du droit international. Brux. 1894.

[2]) *Gautier.* La Chevalerie. Paris.

Государственная БИБЛІОТЕКА

была разрѣшена *первымъ* христіанамъ". Равнымъ образомъ Нисъ приходитъ къ заключенію, что „Евангеліе не осуждаетъ абсолютно войны". Слѣдовательно, выводы обоихъ изслѣдователей, доставившихъ барону Таубе матеріалъ для его утвержденій, совершенно опровергаютъ выставленное имъ положеніе.

Дѣйствительно, въ Евангеліи нѣтъ прямого запрещенія войны, какъ нѣтъ и запрещенія суда [1]). Пламенное рвеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслителей нельзя считать голосомъ всей первоначальной церкви: свидѣтельства церковныхъ и языческихъ писателей, равно какъ данныя надписей, неоспоримо доказываютъ, что множество христіанъ находилось въ рядахъ римскихъ войскъ уже въ первые вѣка нашей эры. Отказы отъ военной службы обусловливались нерѣдко не принципіальнымъ отрицаніемъ войны, но опасностью сдѣлаться участникомъ языческихъ богослуженій и обрядовъ, присущихъ римскому военному быту.

Поэтому нѣтъ никакихъ основаній, подобно бар. Таубе, выдѣлять блаженнаго Августина, какъ „перваго крупнаго представителя *новаго теченія* христіанской мысли по вопросу о войнѣ": даже поверхностное ознакомленіе съ взглядами блаженнаго Августина на войну показываетъ всю неосновательность подобнаго рода утвержденій, служащихъ отголоскомъ нападеній Лорана.

На дѣлѣ такого коренного отличія нѣтъ: блаженный Августинъ считаетъ миръ всеобщимъ закономъ природы и основнымъ принципомъ общежитія, ибо стремленіе къ миру такъ же сродно человѣку, какъ желаніе жить, радоваться, быть счастливымъ. Все на свѣтѣ стремится къ миру, но надо отличать вѣчный миръ Божій отъ ложнаго и неправаго мира грѣховной твари. Истинный миръ Бога и смертнаго человѣка — послушаніе, упорядоченное въ вѣрѣ подъ вѣчнымъ закономъ. Миръ всѣхъ вещей есть спокойствіе порядка. Непокорность волѣ Бога породила раздоры, братоубійство, войну, какъ проявленія зла. Война ведется по необходимости. „Но не думай, пишетъ Августинъ Оптату, что носящій оружіе не можетъ угодить Богу: вооруженіе имѣлъ св. Давидъ, сотникъ, удостоенный помощи Спасителя, Корнелій, обращенный Петромъ, и многіе другіе. Вѣдь и самая война ведется для пріобрѣтенія мира. Будь, ратоборствуя, миротворцемъ, дабы побѣдою привлечь своихъ против-

---

[1]) Ср. *Заозерскій.* Отношеніе св. православной церкви къ миру и войнѣ, по ученію ея канонническаго права. *Богословскій Вѣстникъ* 1896, № 10, стр. 72.

никовъ къ благамъ мира. Не злая воля, но необходимость умерщвляетъ врага". Разрѣшая сомнѣнія Волузіана, епископъ Иппонскій учитъ, что христіанство не осуждаетъ войны, разъ она справедлива и ведется гуманно. Христосъ не повелѣлъ пришедшимъ къ Нему воинамъ оставить войско, но сказалъ имъ: „остерегайтесь грабительства и насилія и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ", а это ясно указываетъ, что онъ разрѣшалъ имъ быть воинами. „Справедливая же война, по мнѣнію Августина, служитъ воздаяніемъ за причиненную обиду, въ томъ случаѣ, если народъ или государство отказались наказать своихъ подданныхъ за ихъ проступки или возвратить несправедливо захваченное". „Нападать на сосѣдей, переносить войну и за ихъ предѣлы, истреблять и покорять безвредные народы единственно изъ алчности—какъ назвать это иначе, если не великимъ разбоемъ?" „Война служитъ справедливою карою, по волѣ Бога, то-есть, высшей справедливости, за жажду вредить другимъ, за жестокую месть, за страсть къ господству". „Заслуживаютъ прославленія воины, своими трудами, съ Божьей помощью и покровительствомъ, побѣждающіе неукротимаго врага и доставляющіе государству покой, областямъ—умиротвореніе. Но еще больше славы убивать словомъ самыя войны, чѣмъ губить людей на войнѣ, пріобрѣтать и сохранять миръ не войною, но миромъ". „Когда побѣждаютъ сражающіеся за правое дѣло, кто можетъ сомнѣваться, что слѣдуетъ привѣтствовать побѣду, принесшую желанный миръ? Это благо и истинный даръ Божій". Таковы воззрѣнія блаженнаго Августина на войну.

Великій отецъ церкви, выступающій проповѣдникомъ мира, какъ необходимаго признака „царства Божьяго" [1]), является связующимъ звеномъ между идейнымъ наслѣдіемъ античнаго міра и руководящими началами средневѣковой теократіи: онъ вдохновляется идеальнымъ государствомъ Платона и проводитъ его взгляды въ средневѣковую жизнь; онъ находится подъ вліяніемъ римскихъ юристовъ [2]), усвоившихъ стоическое ученіе о естественномъ правѣ [3]). По ученію Августина, война возникаетъ вслѣдствіе нарушенія человѣкомъ идеальнаго строя, установленнаго Богомъ; по мнѣнію юриста Гермогена, войны не существовали въ эпоху господства естественнаго права: jus gentium

---

[1]) *Bernheim.* Politische Begriffe des Mittelalters im Lichte der Anschauungen Augustins.

[2]) *Трубецкой, Е., кн.* Міросозерцаніе бл. Августина.

[3]) *Богольповъ, Н.* Значеніе общенароднаго гражданскаго права въ римской классической юриспруденціи.

вводитъ войну, раздоры, плѣнъ, рабство, неизвѣстные прежде. Невѣрное представленіе о взглядахъ на войну древнихъ послужило, такимъ образомъ, источникомъ дальнѣйшихъ погрѣшностей.

Даже не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, можно сказать, что едва ли научно—отнести, безъ всякаго изслѣдованія, приведенные факты „въ область скорѣе археологіи, чѣмъ исторіи права", такъ какъ въ нихъ сказывается „ясная преемственная связь современныхъ институтовъ" съ древними.

Упорное нежеланіе признать существованіе этой связи мѣшаетъ барону Таубе спокойно и трезво изслѣдовать привлекаемые къ дѣлу средневѣковые памятники, что рѣзко обнаруживается при разсмотрѣніи имъ „знаменитаго декрета Граціана". Бар. Таубе ставитъ въ заслугу римской церкви ея „постоянныя стремленія ввести въ правосознаніе народовъ извѣстныя правила, отграничивающія войну справедливую отъ несправедливой" (стр. 164). „Въ основѣ этихъ средневѣковыхъ теорій справедливой войны, разсужденій о justa causa для войны и о правѣ государства на войну лежитъ знаменитый декретъ Граціана, causa XXII второй части котораго" (стр. 165) является „замѣчательнымъ, оставленнымъ намъ XII вѣкомъ, трактатомъ по международному и государственному праву того времени" (стр. 9). Если обратиться къ декрету Граціана и ознакомиться съ „causa de re militari et bello" [1]), то обнаружится та самая связь съ античными воззрѣніями, которую, безъ надлежащей вдумчивости и осмотрительности, отвергаетъ баронъ Таубе. Граціанъ не былъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ; въ его задачу входило рѣшить затронутый вопросъ обычнымъ въ средніе вѣка пріемомъ, — подборомъ вѣскихъ свидѣтельствъ Отцовъ. Въ разсматриваемой „Causa" господствующее положеніе занимаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, верховный и излюбленный руководитель средневѣковья, блаженный Августинъ, вмѣстѣ съ своимъ духовнымъ ученикомъ, папой Григоріемъ, Исидоромъ, Амвросіемъ, Іеронимомъ и другими каноническими авторитетами. Опредѣленіе справедливой войны почерпнуто Граціаномъ у Августина и Исидора Севильскаго. Но послѣдній прямо ссылается на *Цицерона*, опредѣленіе котораго повторяетъ *буквально* [2]). Что же касается Августина, то онъ исходитъ изъ своихъ обще-философскихъ воззрѣній, какъ указано, представляющихъ въ данномъ случаѣ переработку ученія стоиковъ и римскихъ юристовъ.

---

[1]) *Migne*, tomus 187, p. 1159 ss.

[2]) Isidori Etymologiarum lib. XVIII c. 1 p. 639 и c. 15 p. 650.

Такимъ образомъ „памятникъ международной жизни средневѣковья“ оказывается идейнымъ дѣтищемъ того самаго античнаго міра, который представляется Таубе безпросвѣтнымъ царствомъ войны и насилія. Въ виду отмѣченнаго заимствованія средневѣковыми авторитетами нормъ у древнихъ, необходимо выбирать одно изъ двухъ: или средніе вѣка не знали международныхъ нормъ, разъ ихъ не зналъ античный міръ, или эти нормы были извѣстны и классической древности, передавшей ихъ въ наслѣдство послѣдующему періоду: какъ извѣстно, уже 1) древніе смотрѣли на войну какъ на „крайнее средство“, 2) выработали „ея нормировку путемъ обычая“ и 3) не вели ее contra omnes. Какъ же можно утверждать: „тотъ комплексъ *новыхъ* для международной жизни понятій, которыя заключаются въ намѣченныхъ нами трехъ пунктахъ, является *впервые* именно въ средніе вѣка“! (стр. 13).

Недостаточное знакомство съ общеисторическими явленіями и предубѣжденность заставляютъ бар. Таубе находить въ средніе вѣка „своеобразіе“ безъ всякихъ основаній. Напримѣръ, стараясь отмѣтить отличія античной войны отъ феодальной, баронъ Таубе выдвигаетъ такое положеніе: „благодаря *своеобразнымъ* взглядамъ феодально-католическаго міра, война превратилась въ судъ Божій, въ процессъ о правѣ. Такой взглядъ на войну отражается и въ литературѣ того времени, какъ показываетъ одинъ въ высшей степени любопытный памятникъ среднихъ вѣковъ, посвященный праву войны (начало XV вѣка), а именно написанная Христиною Пизанскою „Книга о воинскихъ и рыцарскихъ подвигахъ“ (стр. 176). Но уже въ эпоху феціальнаго права феціалы и жрецы придавали войнѣ характеръ какъ бы суда Юпитера, долженствующаго покарать обидчика [1]): „война представлялась римлянамъ какъ бы открытымъ состязаніемъ сторонъ, борьбою за право, съ обязательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ процессуальныхъ формальностей [2]). Другими словами, еще на зарѣ римской исторіи война носила тотъ самый характеръ, который, по бар. Таубе, появлялся *впервые* въ средніе вѣка. Да и „любопытный памятникъ среднихъ вѣковъ“ оказывается компиляціей изъ Аристотеля, Цицерона и De re militari Вегеція [3]). Слѣдо-

[1]) *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung B. III, p. 421.

[2]) *Александренко*. Международное право Рима. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895. № 2, стр. 320—321.

[3]) *Aubertin*. Histoire de la langue et de la littérature françaises au M. A. T. II. Paris 1878. p. 273.

вательно, и тутъ приходится обратиться къ столь пренебрегаемой бар. Таубе древности. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что сравнительное изученіе [1]) правовыхъ институтовъ устанавливаетъ по истинѣ всемірно историческій характеръ „концепціи войны, какъ судебнаго поединка, какъ процесса о правѣ“.

Въ своемъ пристрастіи къ среднимъ вѣкамъ баронъ Таубе заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, далѣе, что рыцарству *первому* принадлежитъ честь внесенія совершенно иныхъ взглядовъ и принциповъ въ военное дѣло, такъ сказать, самая *идея возможности* извѣстнаго *права во время войны* и заслуга образованія цѣлаго неписаннаго кодекса международныхъ военныхъ обычаевъ (стр. 190—191). Даже зарожденіе обычая объявлять войну бар. Таубе приписываетъ рыцарству (стр. 191). Всѣ эти утвержденія голословны и невѣрны. Дѣло въ томъ, что право войны несомнѣнно существовало въ древнемъ мірѣ и у различныхъ народовъ. Законы Ману, Библія, Коранъ, Хидая даютъ цѣнныя подробности о военныхъ обычаяхъ, соблюденіе которыхъ было обязательно для вѣрныхъ [2]).

Вмѣсто опроверженія доводовъ изслѣдователей, признающихъ существованіе международнаго права въ древнемъ мірѣ [3]), баронъ Таубе злоупотребляетъ и тутъ словомъ „впервые“. Мѣсто спокойнаго и трезваго изученія матеріаловъ безъ всякой предвзятой мысли занимаетъ желаніе во что бы то ни стало отмѣтить своеобразіе средневѣковой жизни. Авторъ не ищетъ причинъ возникновенія того или иного института, ограничиваясь подчеркиваніемъ его зарожденія на средневѣковой почвѣ безъ всякой связи съ общей обстановкой, экономическими перемѣнами и воздѣйствіями прошлаго. Вообще, барону Таубе недостаетъ знакомства съ условіями общаго развитія учрежденій и выводами ихъ сравнительнаго изученія. Такъ онъ ставитъ судебный поединокъ въ исключительную зависимость отъ феодализма и полагаетъ (стр. 168), что „страны, не знавшія феодализма, не знали и судебнаго поединка“, который, въ сущности, является обычнымъ институтомъ архаичнаго права.

Не относясь критически и самостоятельно къ работамъ своихъ предшественниковъ, не погружаясь въ изслѣдованіе матеріала, баронъ Таубе вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу *болѣе обширное* по

---

[1]) *Letourneau.* La guerre dans les diverses races humaines. Paris. 1895.

[2]) *Haneberg.* Das muslimische Kriegsrecht. München 1871.

[3]) Ср. напр. *Müller Iochmus.* Geschichte des Völkerrechts im Alterthum. *Holtzendorf.* Handbuch des Völkerrechts.

размѣрамъ изложеніе развитія Божьяго мира, рыцарства и международнаго арбитража въ средніе вѣка: „*Нисъ* посвящаетъ международному арбитражу въ средніе вѣка *всего двѣ страницы*, ограничившись повтореніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ его примѣровъ за это время, тогда какъ *мы на шестидесяти страницахъ* едва могли умѣстить только наиболѣе характерные факты этого рода“ (стр. VII). „Рыцарству Нисъ посвящаетъ всего *одну* страницу своихъ „Origines“, тогда какъ едва ли кто-нибудь будетъ отрицать то капитальное значеніе, которое принадлежитъ этому оригинальному институту именно съ точки зрѣнія развитія извѣстнаго позитивнаго права во время войны и ея постепенной гуманизаціи“ (стр. VII). „Nys посвящаетъ Божію (?) миру всего *одну* страницу“, разсматривая его только съ точки зрѣнія прекращенія частныхъ войнъ (стр. 157).

Само собою понятно, что объемъ, количество страницъ не имѣютъ еще исчерпывающаго значенія и не предрѣшаютъ вопроса о преимуществахъ одного автора передъ другимъ. Необходимо разсмотрѣніе по существу проводимыхъ ими взглядовъ, опредѣленіе ихъ самостоятельности и ихъ знакомства съ памятниками и новѣйшими изысканіями. Какъ извѣстно, баронъ Таубе обѣщаетъ положить въ основу своего изложенія „сырой матеріалъ“. Посмотримъ, какъ выполняетъ онъ свое обѣщаніе именно при разработкѣ выдѣляемыхъ имъ самимъ вопросовъ о значеніи Божьяго мира и рыцарства для образованія международнаго права въ средніе вѣка.

Отдѣлъ, посвященный „Божію (?) перемирію или миру“, основывается вовсе не на изученіи источниковъ, но, главнымъ образомъ, на старомъ сочиненіи Клюкгона, на краткихъ замѣткахъ Лависса и Реттиха и на нѣсколькихъ извлеченіяхъ изъ памятниковъ, помѣщенныхъ въ *неудовлетворительномъ русскомъ переводѣ* въ извѣстной хрестоматіи Стасюлевича. Правда, баронъ Таубе приводитъ заглавіе новой работы Губерти, но въ своемъ изложеніи повторяетъ ошибки Клюкгона, опровергнутыя уже этимъ Губерти, книга котораго, очевидно, не была привлечена къ дѣлу, равно какъ цѣнное изслѣдованіе Майера и извѣстный трудъ Вайтца.

„Международное же значеніе постановленій западной церкви о pax и treuga Dei“ баронъ Таубе усматриваетъ „въ самомъ, въ высшей степени знаменательномъ, фактѣ *первой* попытки выдѣлить извѣстныхъ лицъ и извѣстныя вещи (а также время) изъ области военныхъ насилій, достигнуть ихъ нейтрализаціи“.

Но подобныя попытки извѣстны намъ и за предѣлами вліянія за-

падной церкви: перемирія съ торговыми цѣлями существуютъ уже въ первыя времена классической древности [1]); „Божій миръ“ знаютъ арабы до Магомета; во время празднества олимпійскихъ игръ запрещены военныя дѣйствія, а Элида пользуется вѣчнымъ нейтралитетомъ; у древнихъ германцевъ дни пребыванія богини Нерты были порою всеобщаго замиренія; храмы пользовались всегда исключительнымъ положеніемъ, которое распространилось и на христіанскія церкви; задолго до X—XI вѣковъ торговые и священные дни считались мирными, и еще Стилихона осуждали за то, что онъ побѣдилъ варваровъ въ день пасхи. Стало быть, нельзя относить возникновеніе института Божьяго мира на счетъ дѣятельности церкви по преимуществу. Повидимому, барону Таубе не приходитъ даже въ голову простой и вполнѣ естественный вопросъ, почему только съ конца X вѣка западная церковь получаетъ возможность видѣть воздѣйствіе своей непрестанной проповѣди о мирѣ? Измѣненія соціально экономическаго и политическаго характера, обусловившія это явленіе, должны были бы обратить особое вниманіе ученаго работника, такъ какъ они показали бы появленіе, постепенное и незамѣтное, тѣхъ самыхъ условій, которыя и въ другихъ странахъ вызывали жгучую потребность въ мирѣ и создавали аналогичныя учрежденія: идейная зависимость средневѣковья отъ древности создала сѣмена и зародыши международнаго права, но прорости они могли только при наличности извѣстной соціально-экономической почвы, которая постепенно оплодотворялась ростомъ культурныхъ условій. Рѣзкій перерывъ въ историческомъ развитіи, допускаемый барономъ Таубе, шагнувшимъ изъ IV вѣка прямо въ XI, не существовалъ въ дѣйствительности, и было бы чрезвычайно благодарной задачей прослѣдить существованіе выработанныхъ древностью нормъ въ періодъ ранняго средневѣковья. Сравнительно недавно была предпринята попытка [2]) изслѣдовать „право войны“ съ VIII по XI вѣкъ. Выводамъ автора не достаетъ широкаго всемірно-историческаго освѣщенія, но собранный имъ матеріалъ помогъ бы барону Таубе избавиться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ увлеченій.

„Смѣна міровоззрѣній“, „рѣшительные повороты“ происходятъ быстро только на бумагѣ, тогда какъ въ дѣйствительности долго еще продолжаютъ существовать пережитки, остатки старины, и при благо-

---

[1]) Нетушилъ. Римскія древности, 516.

[2]) *Levy*. Beiträge zum Kriegsrecht im Mittelalter. Breslau 1889.

пріятныхъ условіяхъ въ сломленныхъ историческими бурями институтахъ замѣчается новая жизнь. Наслѣдіе древняго міра, греческая философія и римскій государственный механизмъ, по преимуществу, продолжаетъ оказывать мощное вліяніе сначала на избранные умы, а потомъ и на болѣе широкіе круги средневѣковыхъ дѣятелей, служа имъ образцомъ и идеаломъ. Для того, чтобъ отнести въ средніе вѣка выработку зародышей международнаго права, надо доказать, что не только прекратилось существованіе непосредственнаго преемства историческихъ явленій, но и исчезло идейное воздѣйствіе древности. Доказать же послѣднее положеніе рѣшительно невозможно. Именно христіанская церковь выступаетъ хранительницей лучшаго наслѣдія угасшаго міра и своею непрерывною культурною дѣятельностью поднимаетъ уровень развитія варварскихъ племенъ до усвоенія ими началъ гражданственности. Рядомъ съ этимъ процессомъ идетъ накопленіе богатствъ, образованіе общественныхъ классовъ, возникаетъ живое международное общеніе, обмѣнъ произведеній, расширяются тѣсныя рамки мѣстныхъ интересовъ, создаются новыя потребности. Никакъ нельзя утверждать, что „общественная, государственная и международная неурядица *начинаетъ* уже *съ конца X вѣка* встрѣчать себѣ отпоръ въ умиротворяющей дѣятельности церкви". Этотъ отпоръ проходитъ красною нитью черезъ всю предшествовавшую исторію, такъ какъ водвореніе царства Бога на землѣ признавалось первою задачею средневѣковой церкви, вдохновляемой блаженнымъ Августиномъ. Миръ же былъ, какъ извѣстно, существеннымъ признакомъ обѣтованнаго царства, къ осуществленію котораго стремится особенно усердно Карлъ Великій, проповѣдующій миръ въ своихъ капитуляріяхъ выраженіями блаженнаго Августина. Съ другой стороны, въ древнегерманскихъ учрежденіяхъ, какъ показалъ Вайтцъ, имѣются зародыши установленія прочнаго мира. Бар. Таубе не считаетъ нужнымъ обратить на это вниманіе, хотя въ краткомъ, но дѣльномъ изложеніи Ниса имѣются соотвѣтствующія указанія [1]).

Въ силу отмѣченныхъ пробѣловъ необходимо признать, что на семи страницахъ, посвященныхъ барономъ Таубе „pax et treuga Dei" (стр. 157—163), нѣтъ изслѣдованія: идетъ простой пересказъ пособій, прикрашенный уже отмѣченными излюбленными мыслями автора, который ихъ не доказываетъ, а утверждаетъ.

Такимъ же пересказомъ являются страницы, отведенныя баро-

---

[1]) *Nys*, p. 79 и 81.

номъ Таубе рыцарству. „Значеніе этого института“ превосходно раскрыто предшественниками нашего автора, который на двадцати слишкомъ страницахъ не даетъ ни одной цѣнной и самостоятельной мысли, но останавливается на своихъ излюбленныхъ увлеченіяхъ. Пестрое сочетаніе заимствованій изъ различныхъ сочиненій лишаетъ всякаго научнаго значенія главу о рыцарствѣ, которая вмѣстѣ съ приложеніями производитъ впечатлѣніе груды черновыхъ выписокъ изъ бѣгло просмотрѣнныхъ книгъ. Этотъ, по истинѣ, „сырой матеріалъ“ излагается безъ вдумчиваго и критическаго къ нему отношенія. Вотъ примѣры: страсть къ красивымъ выраженіямъ побуждаетъ барона Таубе рядомъ съ учеными сочиненіями ссылаться на вполнѣ ненаучные труды: такова, напримѣръ, картинная выписка изъ Шатобріана, который ужъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ надежнымъ авторитетомъ. Къ такой сомнительной опорѣ баронъ Таубе прибѣгаетъ для установленія „восточнаго элемента въ понятіи рыцарства“ (стр. 355), полагая, что идеи *чувственнаго* преклоненія предъ женщиной занесены съ Востока. Но „служеніе женщинѣ“ не было „чувственнымъ“ и выросло изъ древне-германскаго уваженія къ женщинѣ и культа Пресвятой Дѣвы. „Воздѣйствіе мавританскаго міра“ представляется „несомнѣннымъ“ только при механическомъ заимствованіи непровѣренныхъ взглядовъ рядомъ съ крайней довѣрчивостью къ плодамъ пылкой фантазіи Форіэля, вслѣдъ за которымъ баронъ Таубе говоритъ о пресловутыхъ „судахъ любви“, несмотря на уничтожающую критику новѣйшихъ изслѣдователей съ Гастономъ Парисомъ во главѣ [1]). Опровергая „ходячій (?) взглядъ на рыцарство, какъ на какое-то замкнутое сословіе, касту“ (стр. 350 и 178), баронъ Таубе ссылается буквально на одну фразу изъ рецензіи на книгу Лампрехта Блонделя, который не приводитъ никакихъ доказательствъ, тогда какъ было бы совершенно достаточно привести мнѣніе Готье [2]), хорошо обоснованное данными источниковъ. Но, признавая свободный доступъ въ ряды рыцарей, нельзя отрицать у нихъ извѣстной тенденціи къ обособленію, къ выдѣленію въ качествѣ особой общественной группы. Это стремленіе нашло выраженіе и въ законодательныхъ памятникахъ (Конституціи Фридриха I и Саксонское зерцало). Баронъ Таубе и въ данномъ случаѣ упустилъ изъ виду постоянную измѣняемость историческихъ явленій: для него рыцарство появляется

---

[1]) *Дашкевичъ*, Обзоръ разысканій о „дворахъ любви“.

[2]) Gautier, p. 21 и 135.

сразу готовымъ, „своеобразнымъ институтомъ“, и затѣмъ въ его существованіи не различаются отдѣльныя эпохи съ ихъ особенностями: „Chansons de geste“ и произведенія XV вѣка одинаково даютъ барону Таубе черты для характеристики рыцарства, какъ чего-то устойчиваго, неизмѣннаго. По мѣткому выраженію Готье (p. 2, 21), „рыцарство“, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его и баронъ Таубе, „было скорѣе *идеаломъ*, чѣмъ институтомъ“. Конечно, опираясь исключительно на его идеальныя черты, можно набросать такую идиллическую картину, какую рисуетъ Таубе, закрывая глаза передъ исторической дѣйствительностью и воспѣвая заслуги рыцарства. Но не миръ, не его водвореніе, а война была стихіей рыцарства, его постояннымъ и излюбленнымъ занятіемъ. Благодаря частымъ войнамъ, охватывающимъ родственниковъ сторонъ до пятаго колѣна, *миръ является* вовсе не нормальнымъ, какъ неоднократно увѣряетъ баронъ Таубе, но какъ разъ *исключительнымъ положеніемъ въ средніе вѣка*. Самое поверхностное знакомство съ средневѣковыми памятниками и съ научными трудами должно убѣдить въ этомъ всякаго непредубѣжденнаго читателя. Готье, „влюбленный въ средніе вѣка“, не доходитъ до такой ихъ идеализаціи, какъ баронъ Таубе въ своемъ страстномъ ослѣпленіи и совершенно ненаучномъ преклоненіи. По его мнѣнію, достаточно привести два-три примѣра „чудачествъ“ рыцарей ради ихъ дамъ, чтобы говорить о „внесеніи въ область вооруженныхъ столкновеній новыхъ, облагораживающихъ взглядовъ, *исключающихъ* собою старый типъ войны, какъ безпощадной рѣзни между народами“ (стр. 187). Увлекаясь разсказами Фруассара о „куртуазіи“ англійскихъ и французскихъ рыцарей, баронъ Таубе упустилъ изъ виду оборотную и гораздо болѣе существенную сторону: разграбленіе имущества крестьянъ, ихъ избіеніе, страшное опустошеніе страны, при чемъ не было пощажено и достояніе церкви [1]). Случаи „рыцарскаго“ обхожденія съ плѣнными тонутъ въ морѣ жестокостей, совершаемыхъ даже „героями средневѣковья, королями-рыцарями“ (стр. 4): Ричардъ Львиное Сердце выкалываетъ глаза 14 французскимъ рыцарямъ, попавшимъ къ нему въ плѣнъ, и оставляетъ одинъ глазъ у 15-го; Филиппъ Августъ въ свою очередь ослѣпляетъ 15 англичанъ; Фридрихъ Барбаросса отрѣзываетъ носы, вырываетъ глаза у плѣнныхъ миланцевъ. Оскопленіе плѣнныхъ крестьянъ не было рѣдкостью. По словамъ Ке-

---

[1]) Ср. *Denifle*, La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la guerre de Cent Ans. Paris 1899.

лера [1]), многотомный и обстоятельный трудъ котораго, къ сожалѣнію, повидимому, вовсе неизвѣстенъ барону Таубе, „обращеніе съ плѣнными развертываетъ передъ нами одну изъ самыхъ ужасныхъ картинъ среднихъ вѣковъ, и, къ прискорбію, нѣмцы не уступаютъ другимъ народамъ въ жестокости". Съ полнымъ правомъ Нисъ говоритъ [2]), что по свирѣпости средневѣковыя рыцарскія войны стояли выше римскихъ въ эпоху имперіи. Даже Готье приводитъ многочисленныя данныя, почерпнутыя изъ историческихъ и поэтическихъ произведеній, въ доказательство „варварскаго" характера средневѣковой войны въ періодъ образованія рыцарства. Баронъ Таубе думаетъ (стр. 178), что самую лучшую и живую картину рыцарства даетъ, между прочимъ, *современная* рыцарству поэзія, напримѣръ, „Chansons de geste", которыя онъ относитъ то къ XII—XIII, то къ XIII вѣку (стр. 183 и 350). Въ дѣйствительности эти „эпическія пѣсни" возникли разновременно, и древнѣйшія изъ нихъ восходятъ къ болѣе раннему періоду. Баронъ Таубе совершенно не даетъ ихъ анализа, довольствуясь знакомствомъ съ отдѣльными крайне незначительными отрывками, приводимыми его предшественниками. Наслѣдственныя цитаты изъ вторыхъ рукъ не могутъ замѣнить обращенія къ „сырому матеріалу памятниковъ", который даетъ множество драгоцѣнныхъ бытовыхъ чертъ, стоящихъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ утвержденіями барона Таубе. „Chansons de geste" воспѣваютъ бранные подвиги своихъ героевъ, очень далекихъ отъ того идеальнаго образа, который баронъ Таубе придаетъ средневѣковымъ рыцарямъ. Дикая грубость, насилія, кровожадная мстительность, неудержимая жажда воинскихъ подвиговъ, свирѣпая жестокость и необузданная запальчивость — вотъ качества, идущія въ разрѣзъ съ представленіемъ о рыцарѣ, какъ о воинѣ, проникнутомъ христіанскими началами. Какой-нибудь Раулъ Камбрейскій попираетъ права законныхъ наслѣдниковъ, убиваетъ, поджигаетъ и грабитъ, какъ настоящій разбойникъ. Онъ не щадитъ ни пола, ни возраста, ругается надъ святыней и предаетъ пламени обители, хотя и соблюдаетъ постъ. Отецъ Ожье обрилъ головы и обрѣзалъ бороды *посламъ* Карла; самъ Ожье, непокорный вассалъ, бросаетъ ножемъ въ голову посла своего сюзерена и выполняетъ свое обязательство въ вѣрности подъ условіемъ выдачи случайнаго убійцы своего сына.

---

[1]) *Köhler*, Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit. B I—III. Breslau 1889.

[2]) *Nys*, 190.

Плѣнныхъ подвергаютъ истязаніямъ, предаютъ поруганію тѣла убитыхъ враговъ, вырѣзываютъ сердца, и изъ череповъ дѣлаютъ застольныя чаши. Добыча служитъ цѣлью войны; превращаясь въ средство къ наживѣ, турниры обогащаютъ побѣдителей произвольнымъ назначеніемъ выкупа побѣжденнымъ. Нарушеніе клятвъ и обѣщаній, измѣнническіе набѣги, грабежи и насилія—вотъ обычныя дѣянія, воспѣваемыя въ „Chansons de geste“. Благочестіе и набожность далеко не всегда присущи выводимымъ здѣсь героямъ: они не всегда даже преклоняются передъ завѣтами Бога и предпочитаютъ порою „феодальную зависимость отъ дьявола“; вырабатывается и кругъ обязанностей, лежащихъ на его вассалахъ: „они должны не служить Богу, никогда не говорить правды, безчестить всѣхъ честныхъ, жечь города, замки и дома, низвергать алтари и сокрушать распятія“ [1]). „Заповѣди сатаны“ предписываютъ: „постоянно попирать законъ, не соблюдать вѣрности сеньору, измѣнять и продавать всѣхъ честныхъ, возвеличивать зло и ослаблять добро, глумиться надъ бѣдняками, захватывать достояніе сиротъ, грабить вдовъ, помогать убійцамъ и разбойникамъ, содѣйствовать святотатцамъ, не щадить ни дѣтей, ни стариковъ, безстыдно лгать и попирать всѣ клятвы“ [2]).

Средневѣковье глубоко вѣрило въ дьявола и въ постоянную борьбу царства его съ Богомъ. Самая возможность образованія „кодекса заповѣдей сатаны“ ясно показываетъ, насколько слабо было дѣйствительно религіозное чувство: надо было выбрать себѣ сюзереномъ или Бога, владыку царства небеснаго, или дьявола, „князя міра сего“, а выбравъ, нужно было выполнить опредѣленные завѣты. Неспособный къ отвлеченному мышленію, средневѣковый человѣкъ овеществлялъ религіозныя представленія и переносилъ на иной міръ чисто земныя отношенія. Рядомъ съ положительнымъ идеаломъ создавался и отрицательный, такъ какъ окружающая обстановка давала для него изобильный матеріалъ.

Разъ баронъ Таубе привлекъ къ дѣлу Chansons de geste, онъ долженъ былъ подвергнуть анализу сообщаемыя ими свѣдѣнія, а не выбирать только положительныя черты. При одностороннемъ пользованіи ими получается крайне идеализованная картина, а не воспроизведеніе исторической дѣйствительности; при отсутствіи критики исче-

---

[1]) Gautier, p. 37.
[2]) Gautier, p. 88.

заетъ жизненность выводимыхъ образовъ и правильность пониманія окружающей ихъ обстановки.

Отраженіе идеаловъ любой эпохи въ поэтическихъ произведеніяхъ не даетъ надежнаго средства для познанія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, а потому изслѣдователь долженъ прибѣгнуть къ ихъ сличенію съ данными болѣе точныхъ источниковъ для выдѣленія достовѣрныхъ свѣдѣній изъ множества поэтическихъ прикрасъ и вольностей. Къ сожалѣнію, баронъ Таубе и въ данномъ случаѣ не выполнилъ своего обѣщанія и не пошелъ путемъ научнаго изслѣдованія.

Нѣтъ никакой возможности, да и необходимости, отмѣчать всѣ довольно многочисленные промахи барона Таубе, встрѣчающіеся въ его книгѣ. Происходятъ они, главнымъ образомъ, отъ отсутствія необходимаго „анализа фактовъ“, излишней довѣрчивости къ авторитетамъ и предвзятыхъ идей, проводимыхъ авторомъ вопреки документальнымъ даннымъ. Предшествующее изложеніе, кажется, выяснило съ достаточной полнотой два основныхъ недостатка разсматриваемаго сочиненія: невѣрное представленіе объ античномъ мірѣ, какъ царствѣ постоянной войны, и крайнюю идеализацію среднихъ вѣковъ и выработанныхъ ими „своеобразныхъ институтовъ“. Коренною причиною этихъ недостатковъ является несамостоятельность барона Таубе, уклонившагося отъ всесторонняго изученія памятниковъ и безъ должной критики слѣдующаго порой по стопамъ не вполнѣ надежныхъ руководителей.

Естественно, что „исторія зарожденія современнаго международнаго права“ не можетъ быть создана на такой шаткой почвѣ и такими ненаучными пріемами. Отмѣченныя погрѣшности не позволяютъ признать выполненіе барономъ Таубе своего счастливаго замысла стоящимъ на высотѣ требованій научнаго изслѣдованія и современнаго состоянія нашихъ представленій о преемственномъ ходѣ историческаго развитія. Суживая „пространство примѣненія международнаго права народами христіанскими и усвоившими европейскую цивилизацію“, баронъ Таубе не замѣчаетъ, что онъ самъ стоитъ ниже великихъ идей древности, дошедшей до сознанія братства *всего человѣчества* и мысли о подчиненіи его единому общему закону.

Справедливость требуетъ, однако, признать, что баронъ Таубе пользовался огромнымъ количествомъ новѣйшихъ сочиненій и работалъ съ большою любовью надъ своею темою. Романтическое увлеченіе средними вѣками сказывается у него въ рядѣ очевидныхъ преувеличеній, что предохраняетъ отъ излишняго довѣрія къ его выводамъ.

Въ то же время горячая убѣжденность барона Таубе въ превосходствѣ излюбленной имъ поры надъ античной древностью способна внушить интересъ и охоту къ провѣркѣ отстаиваемыхъ имъ положеній, а это поведетъ лишь къ торжеству научной истины: международное право среднихъ вѣковъ требуетъ для своей окончательной разработки, равно какъ и для прочнаго установленія связи его съ правовыми нормами древности, совмѣстной и дружной работы историковъ и юристовъ. Неудача барона Таубе обусловлена самыми размѣрами взятой имъ на себя задачи, окончательное разрѣшеніе которой превышаетъ силы и подготовку одного лица.

2007041287